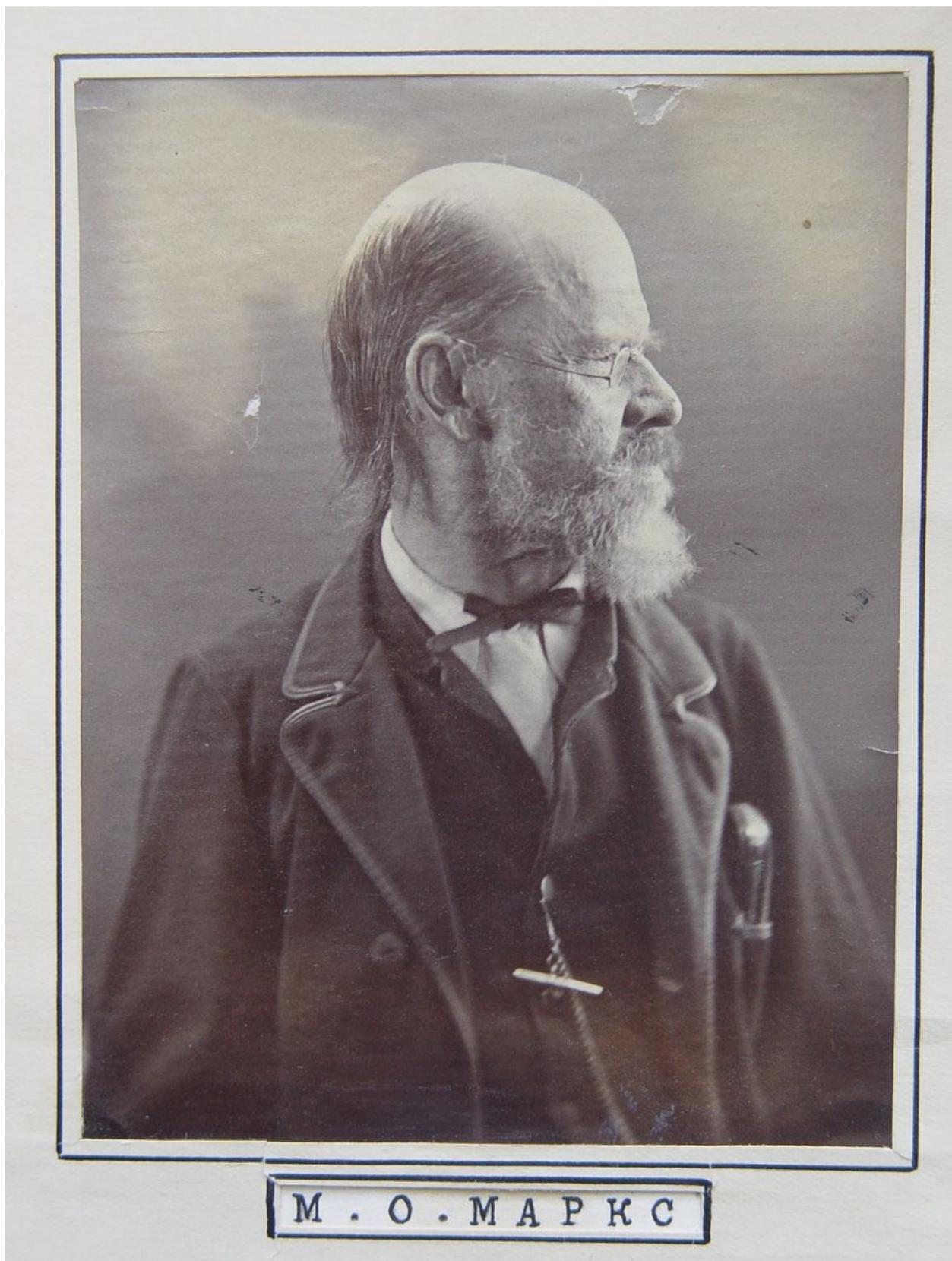

В Кежме был свой Маркс.

Не Карл, конечно. Максимилиан Осипович.

Родился в семье подпоручика войска Царства Польского в Витебске

В 1834 году М. Маркс окончил Витебскую гимназию, учился в Московском университете. В сорок лет в 1857 году М. Маркс экстерном сдал в Московском университете экзамен на звание учителя географии. Преподавал в гимназиях в Смоленске. В 1861 году переехал с семьей в Москву, где преподавал географию в 4-й мужской гимназии.

В 1866 году арестован и осуждён по делу Дмитрия Каракозова (неудачное покушение на царя Александра II). Выяснилось, что Маркс, как член Польского комитета должен был для «Организации» (Ишутинский кружок) изготовить паспорта и яды. Сослан по суду на вечное поселение в Сибирь. Первоначально жил в с. (Кежма), в 1868 году переведён в Енисейск, В Енисейске Максимилиан Маркс долгие годы занимался метеорологическими наблюдениями (основал первую метеостанцию в Сибири), являлся одним из инициаторов открытия местного краеведческого музея, обучал детей, составлял таблицы времени для городов Енисейской губернии, изучал быт народов Сибири. В 1881 году обнаружил космическую пыль и доказал её внеземное происхождение. За вклад в науку Маркс был награждён золотой медалью Русского географического общества.

В конце 1870-х гг. М. Маркс был восстановлен в правах и освобожден от надзора полиции, получил возможность жить повсеместно за исключением столиц, столичных губерний и Таврической, но в итоге остался в Енисейске, где и умер в 1891 или 1893 году.

Источник

http://vitebsk.com/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA%D1%81,%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D0%BD_%D0%9E%D1%81%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

Воспоминания о пребывании в Кежме

Добрались, наконец, до Пинчуги. Здесь в волостном правлении распечатали пакет, и дело выяснилось окончательно. В Пинчугскую волость назначены Малинин - в село Богучаны, и Федосеев - в Чадобец. Мы же с Маевским должны ехать еще далее, в Кежму. Маевский в селе Кашино-Шиверское (с одной стороны Ангары Дворец, с другой - монастырь, хотя там и нет никакого монастыря), а я далее всех - в самую Кежму.

В Кежму мы приехали 24 января, т.е. двигались со скоростью по 31 версте в сутки. На другой день Маевский уехал обратно, к месту своего назначения, и в Кежме остался только я. Отыскав у одного крестьянина горницу, т.е. комнату без полатей, я договорился за полтора рубля в месяц с отоплением и самоваром.

В Кежме помещается волостное правление, с тех пор, как прежнее богучанское комиссарство разделено на две волости: Пинчугскую и Кежемскую. На берегу величественной Ангары, называемой Подкаменной Тунгускою, возвышается в ней каменная, довольно обширная церковь, со слюдяными окнами и сланцевым полом. Все лучшие постройки толпятся вокруг церкви, и все улицы расходятся от нее. Далее помещаются лачужки, едва достойные названия избы. Такова была Кежма в 1867 году. Теперь, говорят, она обстроилась и украсилась даже двухэтажными деревянными домами, со стеклянными окнами вместо слюдяных, брусчатых и даже бумажных, пропитанных рыбьим жиром. Почта отходит и приходит из Енисейска два раза в месяц. Только во время вскрытия Ангары и ее ледостава она задерживается, потому что кроме реки нет другого сообщения с городом, лежащим в расстоянии 730 версты.

На вопрос мой, могу ли выслать письма, писец ответил, что могу, но только незапечатанные, чтобы могли прочесть их сперва он, потом заседатель и, наконец, исправник. Я воспользовался этим разрешением, и к 1 февраля приготовил письмо, разумеется, написанное по-русски, чтобы не затруднять моих цензоров.

Мне случалось в России иметь как официальные, так и частные сношения с сельскими священниками, и я составил себе очень невыгодное об них суждение. Как же удивился я, когда в кежемском священнике Григории Софроновиче Олофинском¹ встретил резкое отрицание этому

¹ Григорий Олофинский (ок. 1840 - ок. 1915), в 1864-1869 гг. священник в Спасской церкви в селе Кежма

суждению. Он воспитанник томской семинарии с очень достаточным запасом образованности, вежливый в обращении, скромный и правдивый в словах, многосторонне начитанный, был без малейших задатков суеверия и фанатизма. Принял он меня очень радушно, и мы сошлись с ним запросто, как давно знакомые товарищи и друзья. Это для меня, при тогдашнем моем настроении духа, было счастливейшею находкою. В Кежме я был опять один, а несноснее одиночества, опаснее его и убийственнее ничего быть не могло. Меня пугал возврат галлюцинаций. Не таковы однако же были священники соседних приходов Паншинского (вверх по реке) и Кашино-Шиверского (ниже). Первый при мне рассказывал, как он встретился в тайге с *лишаком*², играл с ним в карты и поразил его трефовым хлюстом, а приставшую к нему соблазнительницу-русалку расплавил крестным знаменем.

Первым по приезде в Кежму старанием моим было избавиться от насекомых, сделавших нападение на меня сейчас же по выезде из Тобольска, и размножавшихся со дня на день. У хозяина моего не было бани, но в близком соседстве была небольшая. Я обратился с просьбою истопить ее для меня. На другой день мне дали знать, что она готова, и я отправился. Предбанника не было, и я стал раздеваться в бане, скинул тулуп и начал снимать сапоги. Как вдруг в баню вбегают две девушки и начинают поспешно раздеваться. Я, сидя неподвижно, с удивлением смотрел на них. Одна успела раздеться уже совсем, вскочила на полог и закричала: «Манефочка, поддавай!» Манефочка плеснула ковшом на камни и, скидывая рубашку, обратилась ко мне: «Что ж сидишь? Раздевайся, вот мы тебя попарим!» Я едва опомнился, поскорее надел снятый сапог, схватил тулуп и шапку, выскочил из бани, и оделся уже на морозе. Мне слышен был хохот в бане, и одна девушка приотворила несколько дверь, высунула голову и спросила: «Чего ты?» Я чуть не опрометью убежал домой. Через несколько дней я рассказал это событие священнику. Он улыбнулся и сказал мне:

- Вы в Азии, и в глубокой патриархальной Азии, и вам по европейским понятиям это кажется чем-то несообразным, и даже безобразным. Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят. В здешнем крестьянском быту без различия пола моются в бане все вместе, нисколько не стесняясь, и именно от этого нестеснения и дурных последствий никаких не бывает. Объясните им, что это соблазн и разврат, и вы введете их в соблазн и разврат. Австралийские дикари ходят без платья, точно как мы в бане, и это у них прилично и не производит никакого соблазна. Да и европейские модные дамы, стыдливо прикрывающие шалью или хоть платочком, шею и грудь в домашнем наряде при виде одного чужого мужчины, идут на бал, где сотни мужских глаз смотрят на их обнаженные шею и груди, которых кежемские девы никогда не прячут. Сравнительно - вам случилось побывать на местном балу *decolte*. Вы оказались неловким кавалером, и пораженные вашей неловкостью дамы смеялись над вами. Они хотели сами помыться и вам услужить. Привыкайте, привыкайте, исподоволь к патриархальным здешним нравам, несхожим только с вашими прежними привычками. Но этого нельзя же ставить им в укор и в осуждение. Горю же вашему легко пособить. Приходите ко мне в баню завтра. Я не пошлю к вам дев, а трапезник мой поможет вам помыться и, когда угодно, отстегать вас веником на славу.

По Кежме разнеслось, что я богач, потому что у меня рубашки кисейные, даже лучше писарских. В одно утро хозяйка моя, подавая самовар, объявила мне, что она сегодня будет мыть белье, и потому может, вместе со своим, вымыть и мои кисейные рубашечки. Я обрадовался предложению и отдал ей 4 перемены. Через дня два смущенная хозяйка моя с беспокойством спрашивает меня:

- Что это с твоими рубашечками?
- А что?
- Да они совсем разлезаются.
- Как разлезаются?
- Да так разлезаются. Погляди.

Я пошел посмотреть, и вижу: в самом деле все мое белье именно «разлезается». Стоит взяться только за него, как кусок и остается в руках. Она, вместе со своим толстым бельем, положила и мое в едкий щелочь, приготовленный из жженой губы, т.е. из сухих и твердых грибов, растущих преимущественно на березах и осинах. Таким образом я остался при двух только переменах, и

Енисейского округа Енисейской губернии. Было это его первое место службы. Позднее был переведен на юг Енисейской губернии - в Минусинский округ.

² Лешак-леший, человекообразное сказочное существо, живущее в лесу. Дух леса, его хозяин.

должен был запастись таким бельем, для которого щелочь не страшна. Мыло здесь составляет туалетную только специальность, и девушки часто не только от матери, но иногда и от бабушки получают кусок его, как свадебный подарок. В банях веник, политый щелоком, отлично соскребывает и смывает всю грязь, накопившуюся на теле, а жар у потолка бани уничтожает всех насекомых, и потомством и зародышами их в белье, там повешенном. Да, нужно привыкать к здешним патриархальным нравам - повторил я, когда моя голова, неосторожно заплеснул себе несколько щелоку в глаза. И не с одним мылом пришлось расстаться. Крестьяне пьют чай (кирпичный) совсем без сахара, с хлебом и солью. Сахар, и то вприкусочку, подается только как десерт при угощении. За листовой табак тоже нужно было не раз приниматься, особенно во время остановки почты. О кофе и мечтать было неуместно.

Все тут в обрез, за исключением водки, которой выпивается страшное количество. Пьют ее мужчины, пьют и женщины, пьют старики, пьют и молодые, и пьют всегда не для подкрепления сил, а до полного опьянения и бесчувственности. Порок этот развит здесь до *plus ultra*³, не смотря на непомерную дороговизну и низкое достоинство производящей его влаги.

К чести здешнего народонаселения нужно однако же заметить, что воровство и адюльтер (разумеется, не без исключений) при столь сильно развитом пьянстве, являются сравнительно редкими последствиями его.

Зашел я зачем-то на хозяйскую половину избы, хозяйка стряпала у печи.

- Осипыч! Вот я испеку тебе шаньгу⁴ с яблоками. Съешь?

Не понимая, что такое шаньга, но соблазнившись яблочками, я воскликнул: «С яблочками? Как не съесть?» она сейчас же мне подала какую-то теплую круглую лепешку, с приподнятыми и зазубренными краями. Я поблагодарил ее и ушел в свою горницу. Там стал рассматривать, что здесь зовется шаньгой. Это была ватрушка из темной пшеничной муки, с наложенною сверху какою-то мякотью. Должно быть, это тертые печеные яблоки - подумал я - вещь славная! Но, увы, попробовал - и что же? Картофель, не более как картофель, безвкусный, без масла, без соли. Эх, яблочки, яблочки, далеко где-то вы растете, и не только есть, но и видеть вас не суждено уж мне более.

Едва в июне получил я ответ на мое февральское письмо, и вскоре затем мне выданы были деньги из волостного правления, оставшиеся в петропавловской крепости, и пересланные через тобольский приказ о ссыльных. Высланные же в октябре ещё из Москвы 250 руб., которые я (как узнал из письма от своего семейства) должен был получить в Тобольске, завязли где-то. Они не исчезли, а достались кому-то, только не мне.

Оставалось жить в неприглядной Кежме, далеко от милых друзей, от дорогого и осиротелого семейства, жить в одиночестве, с грустью, тоскою, и без малейшего проблеска надежды. Тот только, кто сам, да еще проживши 50 лет чуть не в неге, испытал подобную моей житейскую катастрофу, тот только поймет весь гнет такого горя.

1888 г., 27 октября Енисейск Маркс

Источник <https://bibliotekapolskosyberyjska.ptpn.poznan.pl/wp-content/uploads/2021/10/czytaj-fragment-4.pdf>

³ До крайних пределов (лат.).

⁴ Шаньга - хлебобулочное изделие из цельнозернового, ржаного или ржано-пшеничного теста. Блюдо финно-угорского происхождения.